

2. Кузьмишин Е.Л. Государственная политика Российской империи по отношению к староверческим общинам во второй половине XIX века // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 27. Июнь 2011. С. 1-4.

3. Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1969. 112 с.

4. Федоров В.А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

В.А. Каргашов

Саратовский национальный исследовательский университет

МОЛОКАНЕ В КОНТЕКСТУАЛЬНОМ ПОЛЕ МИССИОНЕРСКОЙ ПРАКТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ И САМАРСКОЙ ЕПАРХИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ)

Последнее время в исследовательской среде набирает обороты интерес к проблемам изучения феномена секты в провинциальном пространстве Российской империи в XIX в. и ее отношений с внешним миром. При должном внимании становится ясно, что фактор сектантства оказал большое значение на религиозную и социокультурную жизнь многих российских регионов, где имели место быть подобные движения, и регион Среднего и Нижнего Поволжья тому не исключение. Активная проповедь разных сект, имевших популярность, вызывала жесткое противодействие со стороны церковных властей, где своеобразной softpower стала миссионерская деятельность на базе местных ресурсов. Обращение к материалам религиозной печати Саратовской и Самарской епархии показывает, что одним из серьезных конкурентов православной церкви наряду с не менее массовым расколом является секта молокан или «духовных христиан», как они сами себя называли. Именно на борьбе с ней в векторе церковной миссии, а также отражении образа молокан в зеркале печати религиозного характера концентрируется фокус данной работы.

Распространение молокан началось со стороны Тамбовской губернии, откуда те вели проповедническую деятельность в Балашовском уезде во главе с их духовным лидером Семеном Уклеиным [2, с.373]. Также молоканские начетчики совершали движения на юг в сторону Камышина и Царицына, а затем и в восточные уезды (в особенности Аткарский), достигнув, в конце концов, и территорий Самарского Заволжья. Уже к середине XIX в. секта молокан стала довольно массовой в сравнении с другими религиозными движениями, уступая только расколу. Эта тенденция продолжилась и в постреформенный период: так, число молокан в Балашовском уезде выросло еще почти в 2 раза [1, с.201].

По итогу увеличение численности молокан мотивировало церковные власти развернуть активную борьбу с «ересью», делегировав ее миссионер-

ским институтам. Среди любопытных деталей стоит отметить, что в «просветительской» деятельности принимали активное участие местные миссионеры благочиний и приходов, и зачастую этими деятелями были «выходцы» из народа, которые имели большой успех в силу их коммуникации на одном уровне. Комплекс «антисектантских» мероприятий носил разнообразный характер, где особо привлекают внимание полемические беседы, проводимые в селах Балашовского и Аткарского уезда, в посаде Дубовка Царицынского уезда, в самарской епархии — с 1870 г. в г. Новоузенске. Первоначально воспринимаемые со скепсисом, эти встречи, проводимые внутри храмов и сельских училищ, вскоре стали площадкой, на которой православные и молокане погрузились в бурные дискуссии [4, с.14]. По итогам этих миссионерских встреч, отчеты которых фигурируют на газетных страницах, сложно судить о четких тенденциях, хотя в локальных случаях миссия имела успех [3, с.51].

Особый интерес вызывают понимание и образ секты молокан, который складывался в миссионерском дискурсе, где приходится сталкиваться с размытостью определений сект. Вполне очевидно, что их конструирование находилось в рамках враждебного образа Другого («врага церкви»), где большую роль играли не только удачные или неудачные опыты коммуникации, но и набор стереотипов. В адрес сектантов встречаются термины с негативными коннотациями, такие как «лжеучители» и «ересеначальники», или метафоры евангельского характера вроде: «живые мертвецы для духовной жизни» [5, с.121]. Приводимые заметки и записи диалогов, которые отражали те или иные встречи, имеют вполне стандартизированный характер: этот шаблон построен на оппозиции «ортодокс/еретик», где первый является носителем истинности. Сектанты предстают в образе эмоционально-агрессивных проповедников, занимающихся спекуляцией на толкованиях библейских текстов. Основной пафос обвинения молокан направлен на отрицание с их стороны обрядовых практик и символов (в частности, икон) и института священства, а также на несоответствие христианским моральным идеалам, на что указывают свидетельства о сожительстве у молоканских учителей [6, с.71].

Таким образом, говоря об успехах миссии среди молокан, крайне сложно утверждать о каких-либо четких трендах. Приводимые в официальной печати религиозного характера свидетельства чаще всего показывают конкретные единичные случаи перехода в православие отдельных лиц или семей. В целом же, общины и учителя «духовных христиан» имели устойчивость к проповеди епархиальных миссионеров Саратова и Самары. Сами православные полемисты пытались объяснить поведение молокан через их фанатизм и «слепую» приверженность своей доктрине [7, с.249]. Причины же этой нечастой результативности кроются в том, что в рамках полемики верующие изначально полагают непреложность своих положений, определяемых интенциональными предпосылками «истинности». Поэтому меха-

низм православного толкования становится нерабочим в рамках понимания Евангелия молоканами, и, таким образом, коммуникация отнюдь не всегда могла выйти на общие точки соприкосновения.

Библиографический список

1. Давыдова, М.Ю. Сektантские религиозно-реформационные учения в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 194–208.
2. Ливанов Ф.В. Острожники и раскольники. СПб.: в типографии М. Хана, 1870. Т.2.
3. Приложение к № 7 Самарских епархиальных ведомостей // Самарские епархиальные ведомости. 1873. № 7.
4. Приложение к № 8 Самарских епархиальных ведомостей // Самарские епархиальные ведомости. 1872. № 8.
5. Самарские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1869. № 5.
6. Самарские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1869. № 22.
7. Саратовские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1893. № 10.

А.А. Ламонова

Самарский национальный исследовательский университет

БОРИС СВОЙСКИЙ – ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ СТУДИИ КИНОХРОНИКИ

*«Не хочу я особенной славы.
Мне другая мечта дорога»*

Б. Свойский

Прежде чем перейти к личности Бориса Своекого, нужно рассказать, как «умерла» Куйбышевская студия кинохроники – это одна из старейших советских киностудий. Она была основана в Самаре в 1927 г. для создания документальных фильмов и киножурналов, долгие годы студия была единственной на Волге (ее корреспонденты работали от Ярославля до Астрахани [4]). Это необходимо сделать, чтобы подчеркнуть научную актуальность темы и значимость ее в культурно-нравственном отношении, так как это был значительный и выдающийся пласт отечественной культуры, ведущий кинематографическую, документальную летопись истории страны.

В советский период каждая студия кинохроники выпускала три вида продукции: еженедельный киножурнал, документальные фильмы и фильмы по заказу министерств и ведомств. Куйбышевская студия кинохроники выпускала 48 киножурналов в год, которые показывались в шести областях России, и 6–8 документальных фильмов, демонстрирующихся по всему Советскому Союзу [4].